

MPRA

Munich Personal RePEc Archive

Catching up: Developing countries in pursuit of growth

Popov, Vladimir

31 July 2015

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/65893/>
MPRA Paper No. 65893, posted 02 Aug 2015 10:28 UTC

РАЗРЫВ МЕЖДУ ЮГОМ И ЗАПАДОМ ПО УРОВНЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОКРАЩАЕТСЯ?

В.В. Попов¹

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется долговременная траектория роста развивающихся стран. До 16 века все страны находились примерно на одном уровне экономического развития, но затем страны, которые мы сегодня называем западными, стали расти быстрее остальных. К 1950г. США, наиболее развитая страна Запада, достигла ВВП на душу по ППС почти 5 раз выше, чем в среднем в мире. С 1950 г., однако, рост этого соотношения прекратился: Западная Европа и Япония подтянулись в послевоенный период к уровню США по подушевому доходу; Восточная и Южная Азия, а также некоторые страны в других регионах тоже стали сокращать этот разрыв. После почти пяти столетий роста разрыва в подушевых доходах Юга и Запада, мир, похоже, вступил в период выравнивания уровней развития. В статье анализируются факторы такой неравномерной динамики, сценарии на будущее и последствия для мирового экономического порядка.

Ключевые слова: разрыв в уровнях подушевого дохода между развитыми и развивающимися странами, Запад, Юг, экономический рост, институциональный потенциал государства, догоняющее развитие

JEL classification: N00, O1, O40, O47, O43

¹ Статья не отражает позицию организаций, с которыми связан автор.

THE GAP IN PER CAPITA INCOME BETWEEN THE SOUTH AND THE WEST IS DECREASING?

Vladimir Popov, Alexander Trepelkov

ABSTRACT

This paper examines the trajectory of growth in the Global South. Before the 1500s all countries were roughly at the same level of development, but from the 1500s Western countries started to grow faster than the rest of the world and PPP GDP per capita by 1950 in the US, the richest Western nation, was nearly 5 times higher than the world average. Since 1950 this ratio stabilized – not only Western Europe and Japan improved their relative standing in per capita income versus the US, but also East Asia, South Asia and some developing countries in other regions started to bridge the gap with the West. After nearly half of millennium of growing economic divergence, the world seems to have entered the era of convergence. The factors behind these trends are analyzed; implications for the future and scenarios are considered.

Keywords: convergence, divergence, gap in per capita income between the West and the South, economic growth, institutional capacity of the state

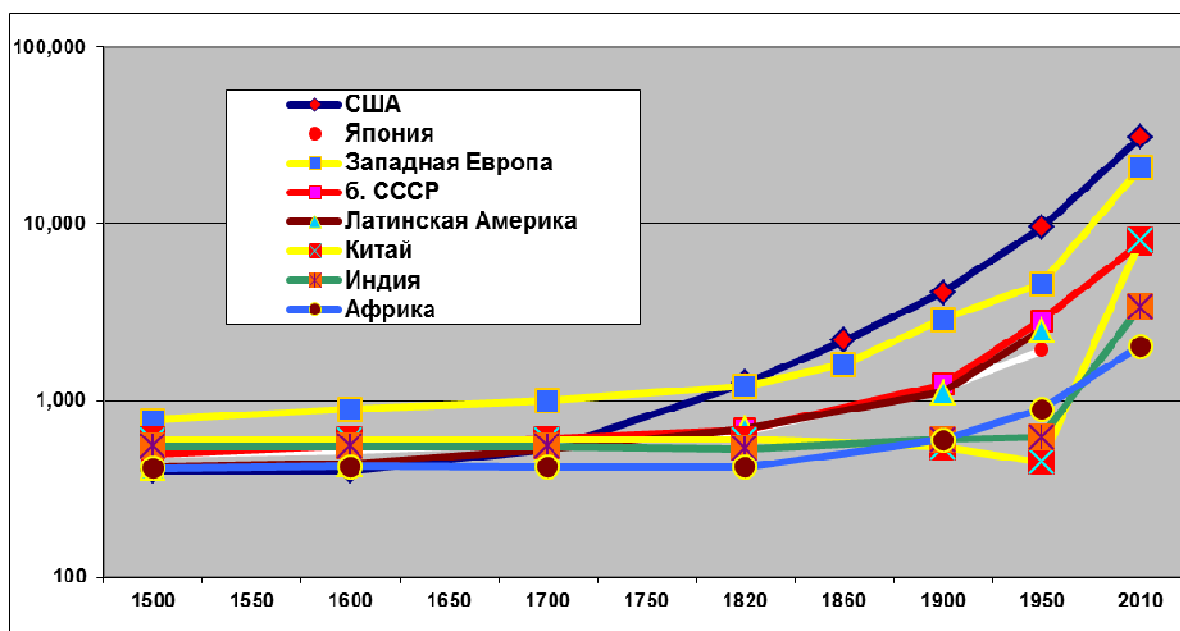
JEL classification: N00, O1, O40, O47, O43,

РАЗРЫВ МЕЖДУ ЮГОМ И ЗАПАДОМ ПО УРОВНЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОКРАЩАЕТСЯ?

В.В. Попов, А. В. Трелков

В 1500 г. отношение подушевого дохода в странах, которые впоследствии станут называть Западом (Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), к подушевому доходу всех других стран (Юг) составляло примерно 1:1, к 1990 г. это отношение увеличилось до 6:1 и осталось на этом уровне в последующие 100 лет (при исключении Китая это отношение продолжало возрастать, но не так быстро, как раньше – рис. 1, 2).

Рис. 1. Подушевой ВВП по ППС в основных странах и регионах мира в 1500-2010 гг. (в международных долларах 1990 г., логарифмическая шкала)

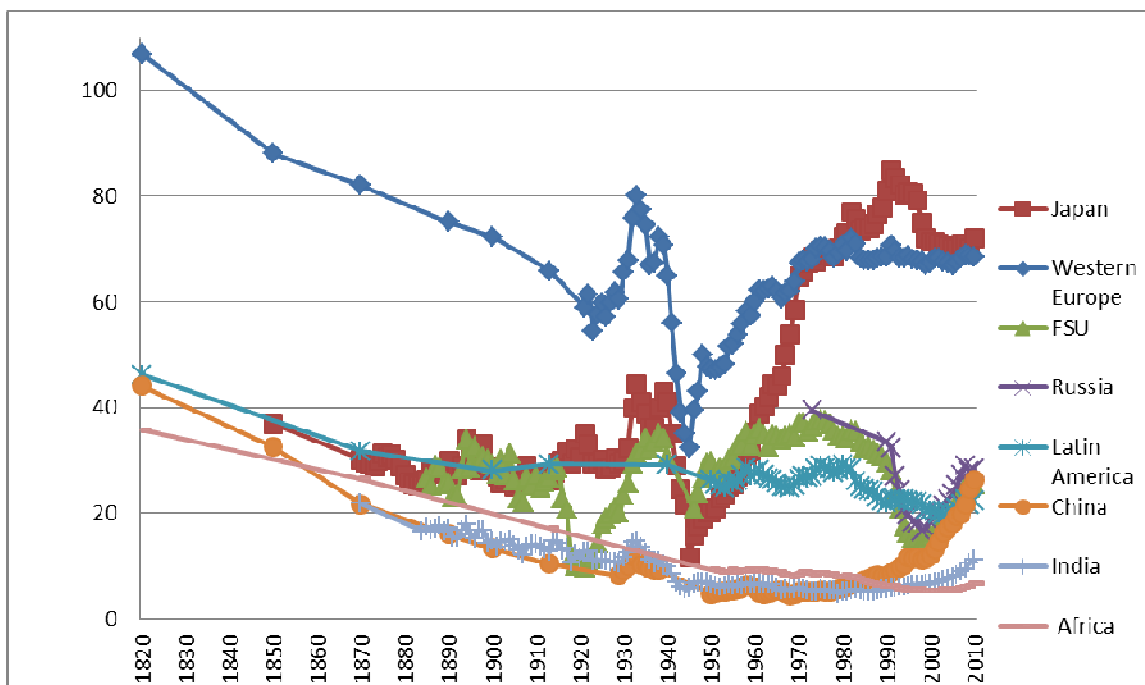

Источник: Maddison, 2013.

Во второй половине 20 века впервые в истории мы стали свидетелями успешного догоняющего развития. Япония, Гонконг, Сингапур, Ю. Корея, Тайвань (в хронологическом порядке) – единственные страны и государственные образования, которые были

развивающимися, но затем догнали Запад и превратились в развитые в 1950-80 гг.. В последние десятилетия схожую трансформацию переживают страны Юго-восточной Азии и Китай. Вместе с ускорением роста Индии и некоторых других развивающихся стран такая динамика, похоже, означает, что тенденция увеличения разрыва в уровнях хозяйственного развития между развитыми и развивающимися странами в конце концов, после почти 500 лет, исчерпала себя (WESS, 2010). В 21 веке, возможно, разрыв между Западом и Югом будет сокращаться и в значительной степени сойдет на нет (рис. 1, 2).

Рис. 2. Подушевой ВВП по ППС в основных странах и регионах мира в 1820-2010 гг. в % к уровню США

Источник: Maddison, 2013.

Да, другие регионы развивающегося мира (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Восточная Европа и бывший СССР) не только не догоняли Запад, но порой даже и отставали, особенно в 80-90-е годы 20 века, когда экономическая политика находилась под сильным воздействием «вашингтонского консенсуса» (O'Campo et al., 2007). Однако факт остается фактом – впервые за полтысячелетия разрыв в *средних* уровнях развития Запада и Юга

перестал увеличиваться, а для некоторых крупных развивающихся стран даже сократился. Как отмечается в Обзоре мирового экономического и социального положения ООН за 2014 год (WESS, 2014), неравенство между странами стало сокращаться с 2000 г., что знаменует собой изменение тенденции, преобладавшей до этого.

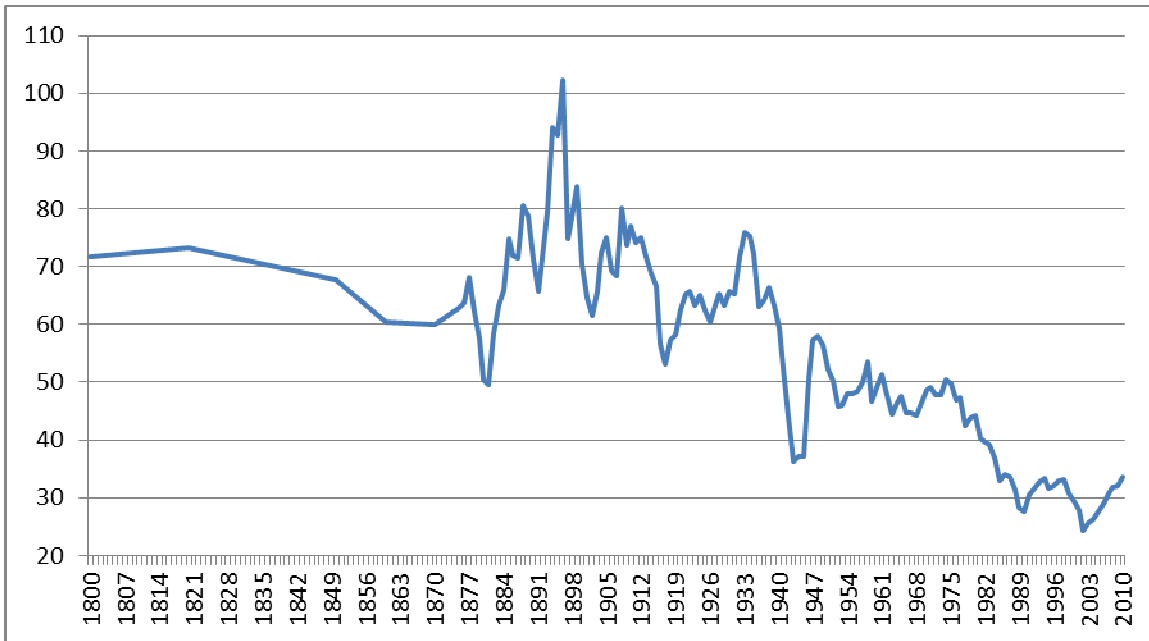
В чем причина подобного изменения тенденции? Почему расхождение стран по уровню развития (дивергенция) сменилось выравниванием (конвергенцией)? Является ли нынешняя тенденция временной или долгосрочной? Чтобы ответить на эти вопросы, надо начать с анализа истории успешных и неуспешных попыток догоняющего развития (Попов, 2012; Роров, 2014).

Догоняющее развитие в 20 веке

В истории 20 века были случаи отставания одних развитых стран от других: самый известный такой случай, закончившийся выпаданием из «клуба богатых», – Аргентина (рис. 3). Однако в большинстве случаев страны, ставшие промышленно развитыми первыми, в 18-19 веках (Запад), остались богатыми, тогда как остальные страны, запоздавшие с индустриализацией (Юг), так и остались относительно бедными (подушевой доход менее 50% от западного уровня), по крайней мере до середины 20 века.

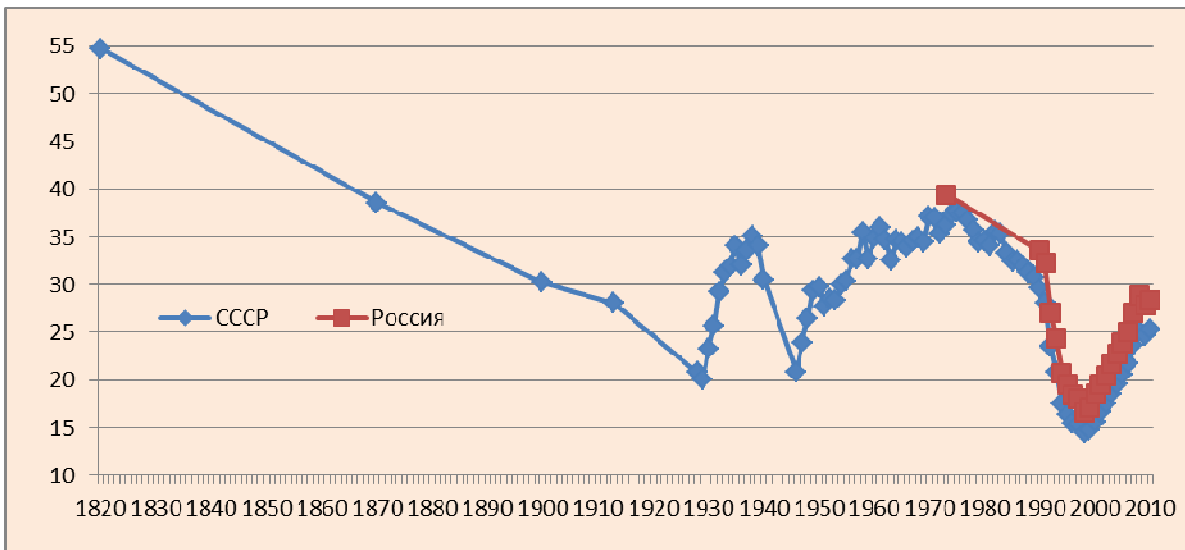
Советский Союз в 30-60-е годы 20 века был первой незападной страной, сумевшей существенно сократить разрыв с Западом в уровнях экономического развития. В 70-80-е годы, правда, успешное догоняющее развитие приостановилось, а в 90-е годы разрыв увеличился, но до этого успех был несомненным и впечатляющим (рис. 4). В 16-19 веках Россия постоянно отставала от Запада – ни реформы Петра I начала 18 века, ни отмена крепостничества в 1861г., ни реформы Витте и Столыпина в начале 20 века не изменили тенденции к отставанию. Только в 30-60-е годы 20 века Россия (СССР) впервые в истории стала догонять Запад, а не отставать от него. Причем до 60-х годов 20 века фактически только две незападные страны – СССР и Япония – догоняли Запад.

Рис. 3. Подушевой ВВП по ППС в Аргентине в % к уровню США в 1800-2010 гг.

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 4. Подушевой ВВП по ППС в СССР и России в % к уровню США

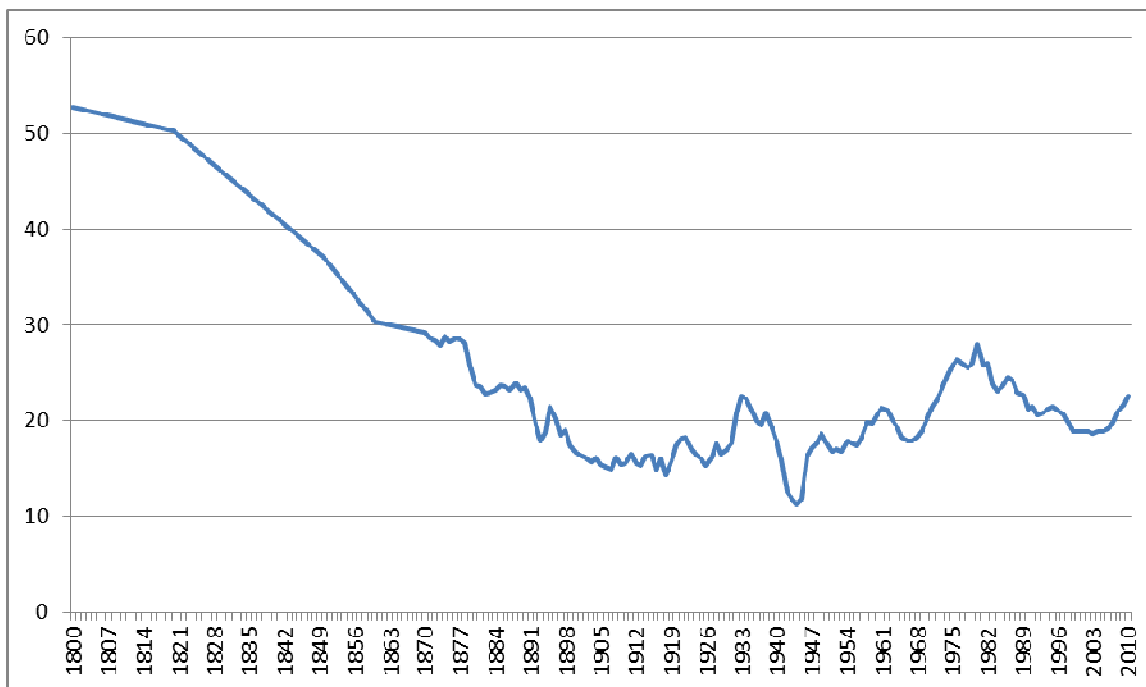
Источник: Maddison, 2010, 2013.

Почему успешный советский рост замедлился в 70-80-е годы, специальный вопрос, до сих пор не имеющий общепризнанного ответа. Большинство специалистов, однако, сходятся в том, что без рыночных механизмов экономика в лучшем случае способна поддерживать

форсированный рост на протяжении 20-30 лет, но не больше (Роров, 2007). Китай, начавший переход к рынку в 1979г., после 20-30 лет плановой экономики, сумел избежать неотвратимого падения темпов роста и даже добился ускорения роста. Если бы СССР перешел к рынку в начале 60-х, быстрый советский рост, возможно, и продолжился бы. Но, конечно, только одной рыночной экономики для роста недостаточно.

Некоторые страны Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока в отдельные периоды сокращали разрыв с Западом, но обычно непродолжительное время. В 1950-70гг. многие развивающиеся страны испытали относительно быстрый рост и сокращение разрыва в уровнях развития, но были отброшены назад долговым кризисом начала 80-х годов. Траектория роста Бразилии весьма показательна в этом контексте (рис. 5). Экономисты стали говорить о «потерянном десятилетии» в Латинской Америке (80-е годы 20 века), а затем и в Африке (90-е годы 20 века).

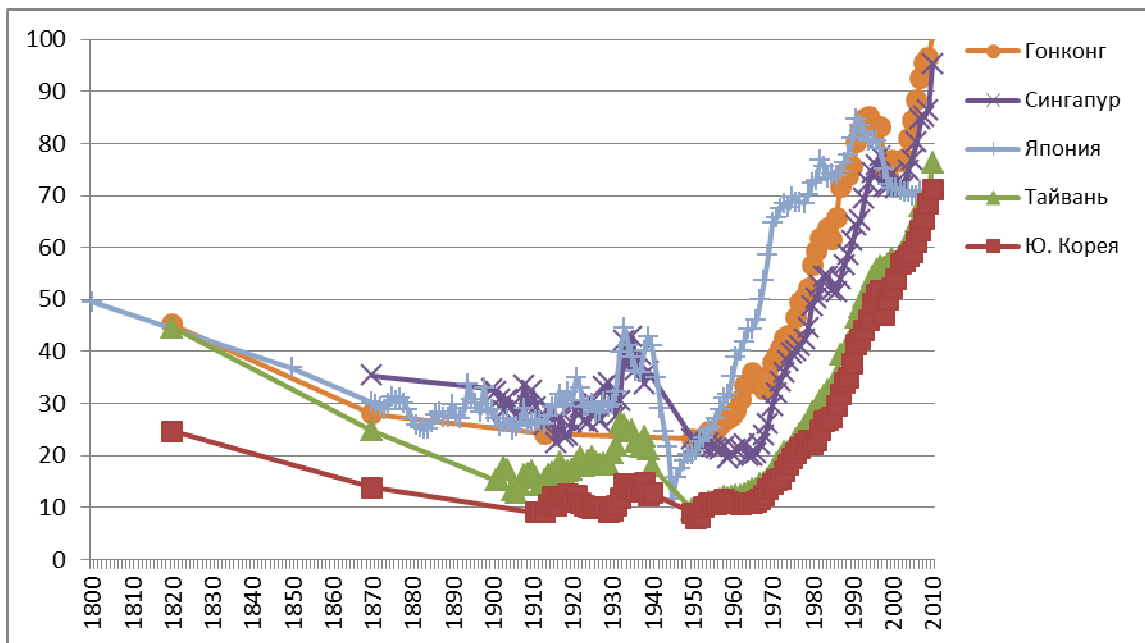
Рис. 5. Подушевой ВВП по ППС Бразилии в % от уровня США в 1800-2010 гг.

Источник: Maddison, 2013.

Первые по настоящему успешные прецеденты догоняющего развития случились в Восточной Азии после второй мировой войны: пять стран/территорий (в хронологическом порядке – Япония, Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) с подушевым ВВП до войны в 10-40% от уровня США после войны сократили свой разрыв с западными странами и присоединились к клубу «богатых» (рис. 6). Гонконг и Сингапур, конечно, не вполне показательны, это города, а не страны, с населением всего несколько миллионов человек. Но вот другие три примера, что называется, никуда не денешь – это бесспорные и до сих пор уникальные случаи успешного догоняющего развития.

Рис. 6. Подушевой ВВП по ППС в странах успешного догоняющего развития (Япония, Гонконг, Сингапур, Ю. Корея, Тайвань) в % от уровня США в 1800-2010 гг.

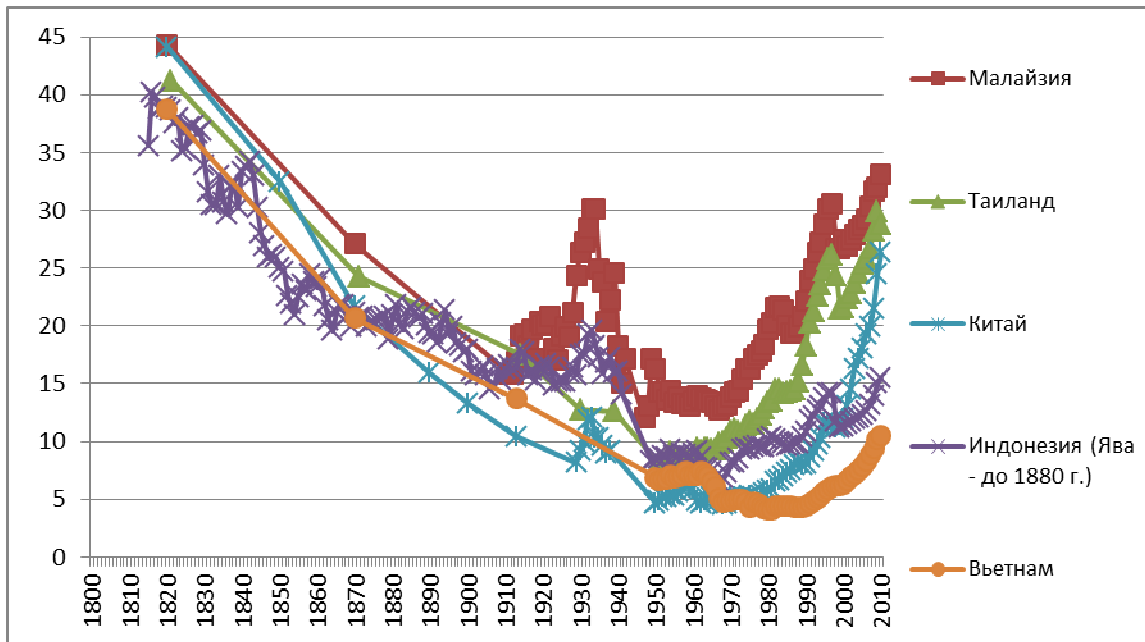

Источник: Maddison, 2013.

И. Валлерстайн как-то назвал быстрый рост Японии, Южной Кореи и Тайваня «развитием по приглашению» (Wallerstein, 1979), имея в виду беспрецедентную по масштабам помощь, предоставленную этим странам США, которые были заинтересованы в предотвращении распространения коммунизма в Азии. Однако в 60-е годы 20 века ускорение роста началось в Малайзии, Таиланде, Индонезии, в 80-е – в Китае, в 90-е – во Вьетнаме (рис. 7). Рост Китая вряд ли может быть назван «развитием по приглашению» (скорее, вопреки приглашению), а

помощь США Южному Вьетнаму не привела к тем же последствиям, что в Ю. Корее и на Тайване (Gray, 2013); вьетнамское экономическое ускорение связано главным образом с объединением страны в 1975г. и политикой «дой мой» (постепенные рыночные реформы китайского типа), проводимой с 1986 г.

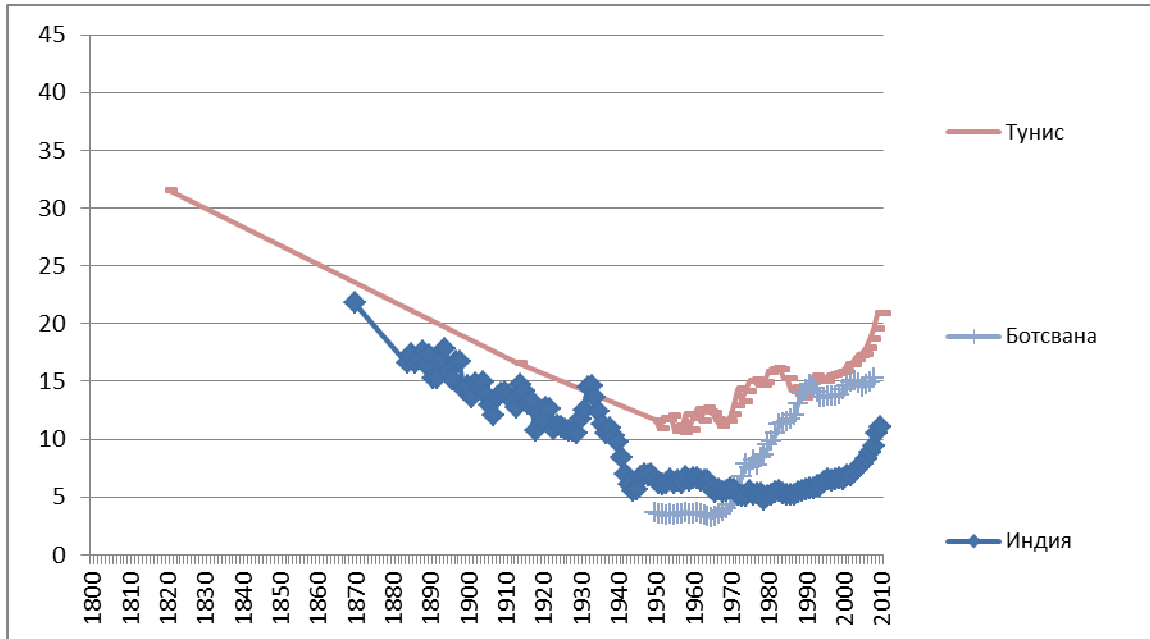
Рис. 7. Подушевой ВВП по ППС в странах успешного догоняющего развития «второй волны» (Юго-восточная Азия и Китай) в % от уровня США в 1800-2010 гг.

Источник: Maddison, 2013.

И, кроме того, не только восточноазиатские экономики стали догонять Запад в послевоенный период. Быстрый экономический рост в странах Юга наблюдался в Ботсване и Лесото в Африке, в Индии и Шри Ланке в Южной Азии, в Израиле, Омане и Тунисе на Ближнем Востоке (рис. 8). В Европе быстрый рост пережили Греция, Ирландия, Черногория, Португалия, Испания (табл. 1). К тому же, такие регионы развивающегося мира как Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Южная Азия, Ближний и Средний Восток, хоть и не сократили после 1950 г. разрыва с Западом, сумели в значительной степени приостановить увеличение этого разрыва, которое происходило раньше.

Рис. 8. Подушевой ВВП по ППС в странах успешного догоняющего развития за пределами Восточной Азии в % от уровня США в 1800-2010 гг. (Индия, Тунис, Ботсвана)

Источник: Maddison, 2013.

Таблица 1. Самые быстрорастущие страны в 1950-2013гг. – среднегодовые темпы роста реального подушевого ВВП, %

Страна/территория/ период	1950-2010 гг. (Maddison)	1960-2010 гг. (Maddison)	1960-2013 гг. (WDI)
Тайвань	5,54	5,86	
Ю. Корея	5,54	5,91	5,97
Китай	4,93	5,12	6,60
Оман	4,70	4,82	6,48
Гонконг	4,48	4,67	4,17
Ботсвана	4,46 (1950-2008гг.)	5,07	5,66
Сингапур	4,38	5,19	5,19
Таиланд	4,15	4,42	4,39
Япония	4,14	3,47	3,20
Бирма (Мьянма)	3,80	3,84	2,77 (1960-2004 гг.)
Испания	3,45	3,46	2,69

Греция	3,45	3,13	2,34
Португалия	3,26	3,20	3,04
Израиль	3,25	2,87	2,98
Австрия	3,17	2,65	2,55
Малайзия	3,16	3,84	3,77
Ирландия	3,14	3,33	3,14 (1971-2013 гг.)
Индия	2,87	3,04	3,12
Индонезия	2,97	3,12	3,54
Тунис	2,95	3,16	2,94
Черногория	3,18 (1952-2010 гг.)	3,18	
Лесото	2,88 (1950-2008 гг.)	2,94	3,06
Шри Ланка	2,45	2,88	3,42

Источник: Maddison, 2013; World Development Indicators database.

Экономический рост, экономическая политика и госинституты

Вопрос о том, почему одни страны растут быстрее других, является центральным в экономике. По существу, это главный вопрос «о природе и причинах богатства народов» (Smith, 1776), ответ на который экономическая наука пытается найти с момента своего возникновения. В исторической ретроспективе этот вопрос часто формулируется как «почему Запад разбогател раньше других?» и «почему некоторые развивающиеся страны догоняют Запад, а другие нет?». Однако консенсуса среди экономистов по вопросу о том, какая именно экономическая политика нужна для поддержания высокого экономического роста, к сожалению, нет (Роров, 2011а).

Говорят, что у победы много родителей, а поражение всегда сирота. Не удивительно, что экономисты как неоклассического, так и кейнсианского и дирижистского толка заявляют, что развитие стран Юга, преуспевших в экономическом росте, подтверждает именно их экономические конструкции. В литературе нередко можно встретить прямо противоположные объяснения быстрого экономического роста: экономическая либерализация и свободная торговля считаются ответственными за рост в одних странах, тогда как успех других относят на счет протекционизма и промышленной политики; прямые иностранные инвестиции (ПИИ)

обычно считаются одной из составляющих «экономического чуда», фактором, способствующим росту, но Япония в 60-70-е годы 20 века, Южная Корея в 70-80-е и Китай в 90-е годы росли без привлечения значительных объемов ПИИ. Приватизация госпредприятий, иностранная помощь, либерализация финансовой системы, демократизация политики и общественной жизни – все эти и многие другие факторы часто называют в качестве необходимых условий быстрого роста, однако легко привести примеры «экономических чудес», к которым эти факторы не имели никакого отношения². До сих пор продолжаются споры и в отношении официальной помощи развитию – способствует ли она экономическому росту или просто вытесняет внутренние сбережения и инвестиции (United Nations, 2003; Channing, Jones, Tarp, 2010).

В 70-е годы завораживающий воображение экономический успех Японии, превратившейся в развитую страну всего за два послевоенных десятилетия, часто объяснялся нарушением принципов свободного рынка, организацией страны как единой компании (“Japan incorporated”) – специальными отношениями между (а) правительством и фирмами (всевластие MITI – министерства международной торговли и промышленности), (б) между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская финансовая система – Попов, 2011, гл. 6), между работодателями и наемными рабочими (пожизненный найм). После стагнации 90-х годов и особенно после азиатского финансового кризиса 1997 г., который затронул и Японию, эти же самые специальные отношения стали рассматриваться как проявления «кланового капитализма» (crony capitalism), ответственного за стагнацию (Popov, 2008).

Анализ мер, которые более всего способствовали сокращению бедности и достижению других Целей Развития Тысячелетия в 2000-2015 гг., также свидетельствует о том, что универсальной стратегии для всех стран и периодов не существует (WESS, 2015). Реформы,

² Часто даже одни и те же международные организации предлагали противоречивые рекомендации для стимулирования роста. Так, доклад Всемирного Банка «Восточноазиатское чудо» (World Bank, 1993) признал роль государства и промышленной политики в стимулировании роста, но в докладе о мировом развитии 1996 г. (WDR, 1996, p. 142) подчеркивалось, «что последовательная политика, сочетающая либерализацию рынков, торговли и создания новых предприятий с разумной стабильностью цен, способна достичь очень многого даже в странах, в которых отсутствуют четко определенные права собственности и сильные рыночные институты”. Следующий доклад о мировом развитии (WDR, 1997) был озаглавлен «Государство в меняющемся мире», в нем делался вывод о ключевой роли госинститутов для экономического роста.

нужные для стимулирования роста, в разных странах различны, они зависят от стадии развития и предшествующей истории преобразований (Polterovich, Popov, 2005; 2006). Для экономического прорыва необходимо, чтобы все ингредиенты быстрого роста были на месте. Д. Родрик, Р. Хауссман и А. Веласко в работе «Диагностика роста» (Rodrik, Hausmann, Velasco, 2005) отмечают, что для экономического чуда нужно множество условий и что даже при отсутствии одного из них экономического чуда не получается. Нужны и аграрные реформы, и выверенная макроэкономическая политика, и человеческий капитал, и инфраструктура, и работающие институты, и конкуренция и экономические стимулы (либерализация). Грамотный экономист должен ответить на вопрос, в какой стране чего именно не хватает, проведя диагностику роста. Скажем, в Африке не хватает сильных институтов, дорог и кадров, хотя либерализации достаточно. В Китае, наоборот, при Мао создали и инфраструктуру, и всеобщую грамотность, и сильные институты. Не хватало только стимулов, и когда прибавили чуть либерализации при Дэне, случилось то самое экономическое чудо. Так что политика создания экономического чуда у каждой страны своя, в одном случае ускорение роста вызывается либерализацией, в другом – усилением госрегулирования (Popov, 2014, гл. 5).

Существует, однако, другой подход к вопросу о быстром росте – анализ не направлений экономической политики в быстрорастущих странах, а институтов, которые стимулировали или по крайней мере позволили осуществить нужные меры. Такие меры для ускорения роста в разных странах могут быть различными, даже и противоположными, но вот условия, делающие возможным их принятие, схожи. Одно из важнейших таких условий – наличие эффективных гносинститутов, которые для целей настоящей статьи определяются как способность правительств проводить в жизнь свои законы и предписания. Субъективные меры институционального потенциала государства – индексы эффективности правительства, правопорядка, коррупции и проч. – имеют ряд недостатков (Popov, 2011b), так что ниже используются два объективных показателя – уровень преступности (в частности, убийств, которые хорошо регистрируются как в развитых, так и в развивающихся странах) и доля теневой экономики. По сути, речь идет о способности правительства обеспечить две важнейшие монополии, делающие государство государством – монополию на насилие и на сбор налогов.

Общее правило состоит в том, что во всех развитых странах и в развивающихся странах Восточной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки число убийств составляет менее 10 (как правило 1-5) на 100 000 человек населения, а доля теневой экономики – менее 30% ВВП, тогда как в странах Африки южнее Сахары, Латинской Америки и в некоторых бывших советских республиках (страны Балтии, Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия, Украина) уровень убийств как правило выше на порядок (10 – 100 на 100 000 жителей), а доля теневой экономики значительно превышает 30% ВВП. Экономический рост в странах Юга сильно скоррелирован с уровнем убийств и долей теневой экономики – чем выше эти показатели институциональной мощи государства, тем ниже рост ВВП на душу населения. Восточная Азия впереди всех по экономическому росту, за ней следует Южная Азия и Ближний и Средний Восток, а за ними – Латинская Америка, Африка южнее Сахары и бывший СССР.

Показатели институциональной силы государства – уровень убийств и доля теневой экономики – лучше всего предсказывают долгосрочные темпы роста подушевого ВВП. В регрессиях за 50-летний период (1960-2013 гг.) для 80 стран, для которых есть данные, почти 40% вариаций в темпах прироста подушевого ВВП объясняется уровнем развития (ВВП на душу по ППС в 1975г.) и двумя институциональными показателями – уровнем убийств и долей теневой экономики³. Эти регрессии очень устойчивы и работают для разных подпериодов - 1960-1975гг.,

$$^3 y = -0.0003^{***} Y_{cap75} - 0.03^{*} MURDERS - 0.14^{***} SHADOW + 5.32^{***}$$

(-4.95) (1.67) (-4.82) (8.55)

N=80, R² = 0.38, Т-статистика в скобках под коэффициентами, *** — значимость на уровне 1%; ** — 5%; * — 10%;

$$y = 0.003^{***} POPDENS - 0.0002^{***} Y_{cap75} - 0.023 MURDERS - 0.067^{***} SHADOW + 5.04^{***}$$

(4.08) (-4.33) (-1.62) (-4.40) (7.67)

N=80, R² = 0.40, обозначения те же.

y – среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в 1960-2013 гг., %,

POPDENS – число жителей в расчете на 1 кв. км территории в 2000 г.,

Ycap75 – подушевой ВВП по ППС в 1975 г., долл.,

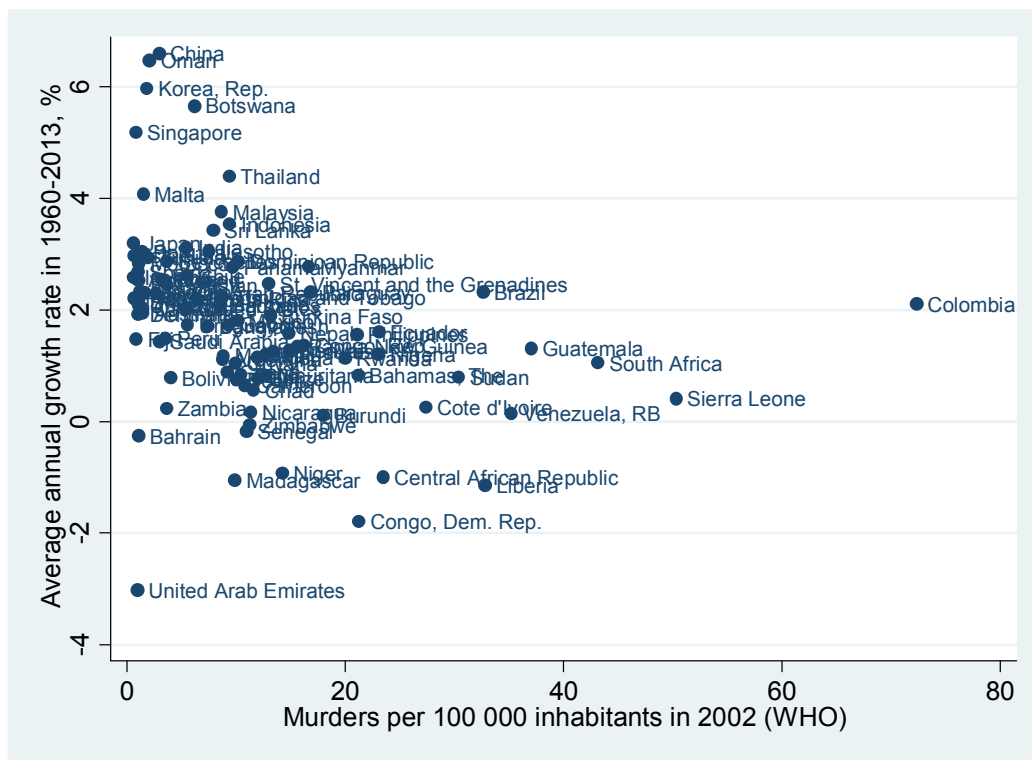
MURDERS – число убийств в расчете на 100 000 жителей в 2002 г.,

SHADOW – доля теневой экономики в ВВП в 2005 г., %.

Данные о темпах роста ВВП, плотности населения, ВВП на душу взяты из базы данных Всемирного банка, данные об уровне убийств – из статистики, собираемой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), данные о теневой экономике – из работы Schneider, 2007, в которой используется несколько методов оценки доли теневой экономики (на основе различий в динамике роста ВВП и потребления электроэнергии, спроса на реальные кассовые остатки и т.д.).

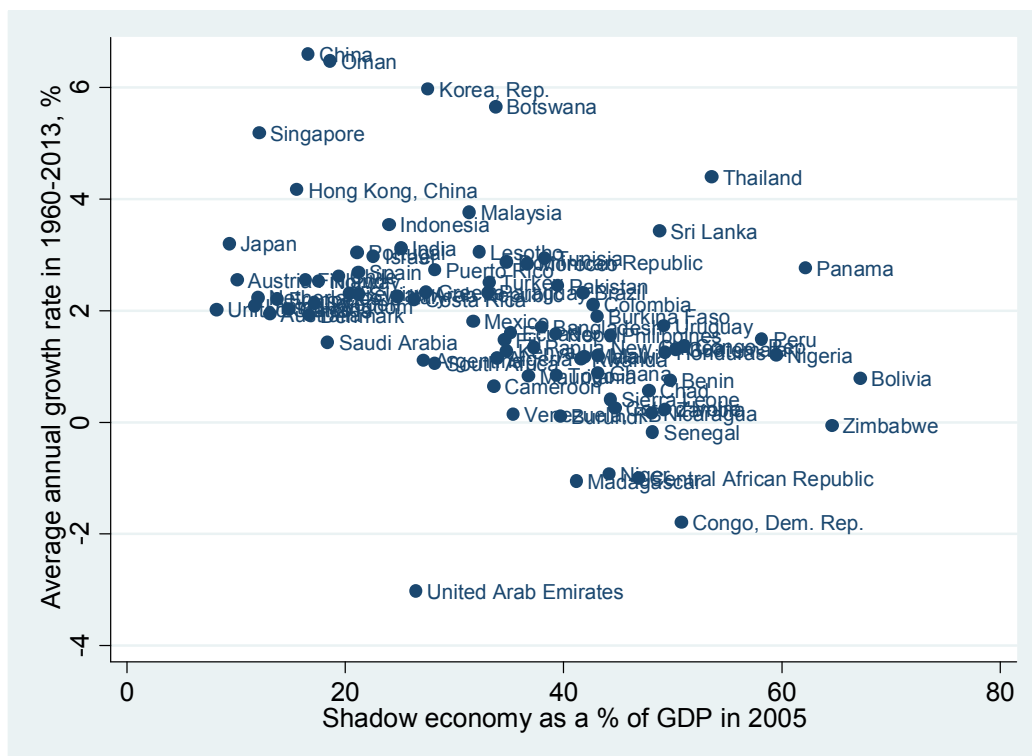
, 1975-2000 гг., 2000-2013 гг.). Среди показателей, прямо не связанных с ростом подушевого ВВП, таких как доля инвестиций в ВВП или темпы роста населения, институциональные индикаторы предсказывают рост лучше, чем любые другие. Отрицательная зависимость темпов роста ВВП в расчете на душу населения от уровня убийств и доли теневой экономики видна невооруженным глазом на рис. 9 и 10.

Рис. 9. Уровень убийств в 2002 г. (в расчете на 100 000 жителей) и среднегодовые темпы роста подушевого ВВП в 1960-2013 гг., %

Источник: WDI; WHO.

Рис. 10. Доля теневой экономики в ВВП в 2005 г. и среднегодовые темпы роста подушевого ВВП в 1960-2013 гг., %

Источник: WDI; Schneider, 2007.

Обычное возражение против таких регрессий роста состоит в том, что объясняющие показатели силы институтов эндогенны, то есть не только влияют на рост, но и сами находятся под воздействием роста. Данные по убийствам и по теневой экономике относятся к 2002 г. и к 2005 г. соответственно, то есть к самому концу исследуемого периода экономического роста (1960-2013 гг.), что, конечно, заставляет сомневаться в результатах, так как причина должна предшествовать следствию во времени. Однако данные об убийствах и теневой экономике за более ранний период по большей части отсутствуют⁴, так что альтернативный расчет с резонным числом наблюдений (40) может быть сделан только для очень короткого периода (2000-2013 гг.). Результаты такого расчета с данными по теневой экономике и убийствам за 90-е годы 20 века дают очень убедительные результаты⁵, но период 2000-2013 гг. слишком непродолжителен, чтобы делать выводы о долгосрочном экономическом росте.

⁴ Эти регрессии дают хорошие результаты для периода 1975-2013 гг. с использованием данных об уровне убийств и доли теневой экономики в 90-е годы 20 века. Однако число наблюдений – всего 20-30.

⁵ $y = 6.58*** \log Y_{cap1999} - 0.040** MURDERS - 0.042*** SHADOW + 30.71***$

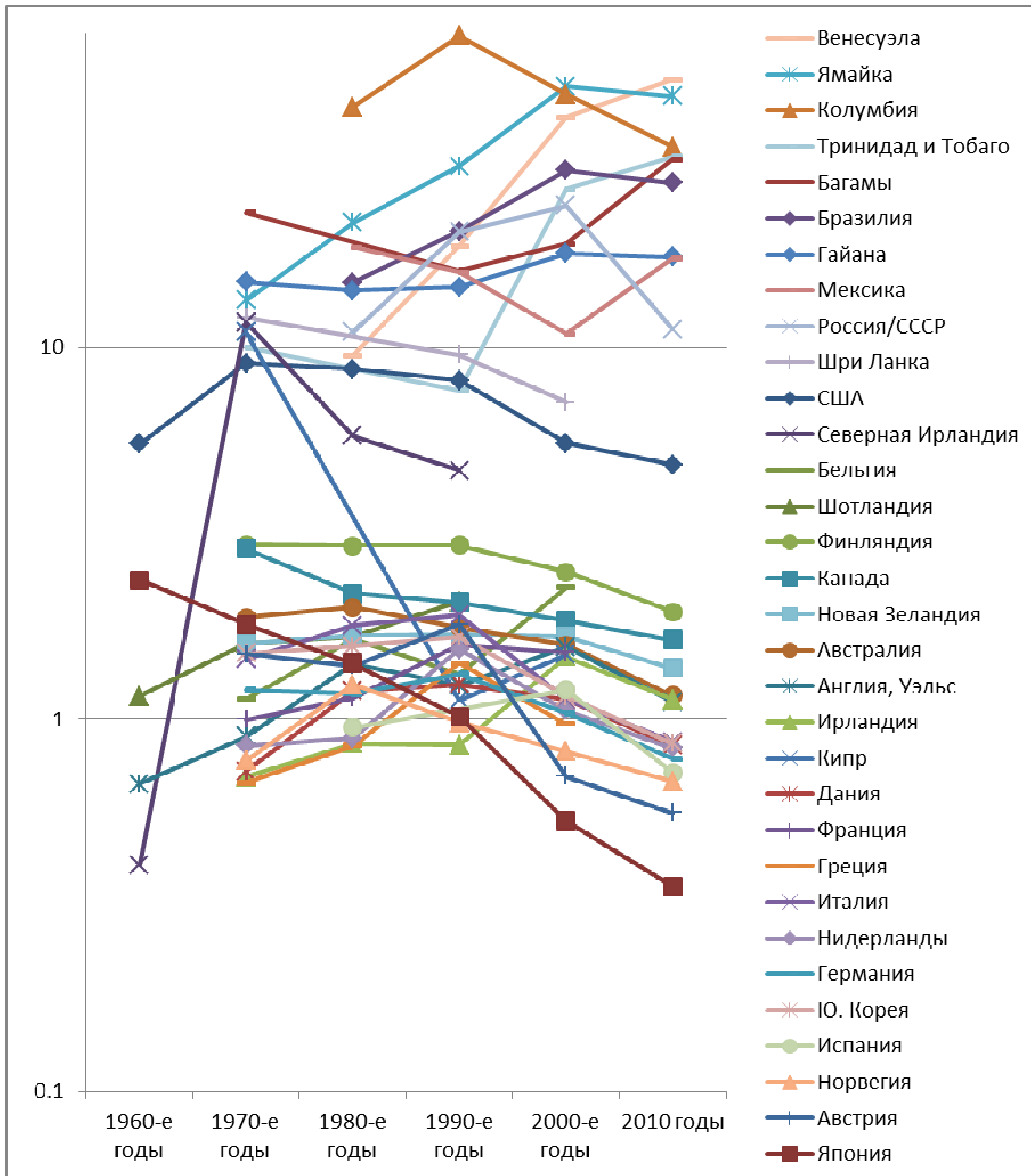
Для преодоления искажений, порождаемых эндогенностью, обычно используют инструментальные переменные, но найти показатели, которые не скоррелированы с экономическим ростом, но скоррелированы с уровнем убийств и долей теневой экономики, практически невозможно. Аргументом в пользу верности расчетов может служить тот факт, что по крайней мере уровень убийств в большинстве стран не изменился кардинально в последние 50 лет (по теневой экономике таких данных нет), так что возражение об эндогенности теряет силу: экономический рост не влияет на уровень убийств или влияет так медленно, что изменения за полвека не слишком значительны. Данные на рис. 11 дают частичное подтверждение такому заключению – в большинстве стран уровень убийств оставался более менее неизменным в 1960-2013 гг.; исключения составляют Ямайка (рост уровня убийств в 4 раза в 1960-2013 гг. и резкое замедление замедление экономического роста), страны и территории с гражданскими конфликтами (Северная Ирландия в 60-е годы прошлого века, Кипр в 70-е годы) и/или осуществлявшие переход от социализма к капитализму (Россия и другие бывшие республики СССР в 90-е годы). Ни в одной из этих стран не наблюдалось быстрого роста.

Вопрос, таким образом, сводится к факторам, определяющим институциональный потенциал государства, который оказывается столь важным для экономического роста. Почему одни страны могут поддерживать эффективные госинституты на протяжении десятилетий, пожиная плоды в виде быстрого экономического роста, а в другие, наоборот, попадают в ловушку «плохие институты – низкий рост»?

(5.26) (-1.99) (-2.03) (5.48)
 N=43, $R^2 = 0.64$, обозначения те же.

y –среднегодовые темпы прироста ВВП на душу в 2000-2013 гг., %, уровень убийств в 90-е годы 20 века – оценки ВОЗ, доля теневой экономики – оценки Friedman, Johnson, Kaufmann, and Zoido-Lobaton, 2000.

Рис. 11. Среднегодовые уровни убийств в 1960-2013 гг. по десятилетиям в расчете на 100 000 жителей, логарифмическая шкала (все страны, по которым есть данные по крайней мере за 3 десятилетия)

Источник: List of countries by intentional homicide rate, Wikipedia (http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_intentional_homicide_rate). В основном данные взяты из статистики причин смертности, собираемой Всемирной организацией здравоохранения. Реже – из других источников, которые не вполне сопоставимы.

Генезис институтов

В статье с характерным названием «Институты правят бал» (“Institutions Rule ” – Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002) авторы исследовали влияние на экономический рост трех факторов – географических условий, институтов и внешней торговли. Трудность, конечно, состоит в том, что все эти факторы взаимосвязаны – и между собой, и с экономическим ростом, так что авторы применяют инструменты: для институтов – поселенческая смертность, для доли внешней торговли в ВВП – расчетная доля на основе гравитационной модели. В результате они приходят к выводу, что важнее институтов нет ничего. Институты в значительной степени, хотя и не целиком, определяются географией, и в свою очередь определяют вовлеченность страны во внешнюю торговлю. Прямое воздействие географии на рост (а не опосредованное – через влияние на институты) оказывается незначимым.

Различия с географическим детерминизмом здесь очевидны, но есть и отличия школы колониального происхождения институтов (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001). Как считают авторы описываемой статьи (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002), поселенческая смертность может быть хорошим эконометрическим инструментом для предсказания качества институтов, но не фактором, определяющим это качество. Нахождение эконометрического инструмента не эквивалентно обнаружению причины. Д. Родрик (Rodrik, 2004) объясняет это следующим примером: различия в подушном ВВП стран, которые никогда не были колониями (Эфиопия, Афганистан, Турция, Таиланд, Япония) не менее значительны, чем расхождения в подушном ВВП стран с колониальным прошлым; как объяснить эти отличия в странах без колониального прошлого?

Существует две основные школы мысли – назовем их условно западная и ориенталистская – в объяснении экономического возвышения Запада. Первая придает ключевое значение институтам, вторая – нет. Первая подчеркивает закономерный характер процесса, вторая, напротив, делает акцент на стечении обстоятельств, исторической случайности. Первая, более традиционная трактовка (Landes, 1998; Мокуг, 2002, видимо, самые известные современные авторы) состоит в том, что отдельные социальные новации, или же вся их совокупность незадолго до и сразу после 16 века привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций – отмена крепостничества и личная свобода, разрушение

соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями, и т. д.

Сторонники второго подхода (Diamond, 1997; Pomerantz, 2000; Wong, 1997— опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых отличий в развитии Запада и Востока до 18 века не было. Даже в 18 веке, считает К. Померанц (Pomerantz, 2000), Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств – наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

Недостаток традиционных объяснений, однако, состоит в том, что они не дают ответа на вопрос, почему Англия и северозападная Европа не смогли вырваться из этой ловушки до 16 века и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор. В самом деле, если отказ от традиционных общинных институтов дает ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности и предпринимательства, со свободными дискуссиями и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста, другие страны не смогли совершить такой же прорыв?

Альтернативная гипотеза (Попов, 2012; Роров, 2014), принимаемая в настоящей статье и объясняющая генезис институтов и их эволюцию, состоит в том, что до 16 века коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовались «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума – обеспечивали низкое неравенство. А низкое неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (так как бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции =>

низкая и не повышающаяся капиталовооруженность => низкая и не растущая производительность труда => низкая норма накопления. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возросла, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни, «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда (мальтузианская ловушка).

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе и в древней Греции и Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным, коллективным) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины, вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения – основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно – нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в 16-18 веках во время огораживания, а затем и в остальной северо-западной Европе. Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки, начиная с 16 века, был совсем не уникальным (попытки выхода предпринимались и до этого). Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи завоеван соседями с более традиционными институтами, до тех пор пока производительность труда не выросла к началу 19 века более, чем в два раза, с соответствующими последствиями для военной мощи.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в перделе собственности, который позволил повысить норму

сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

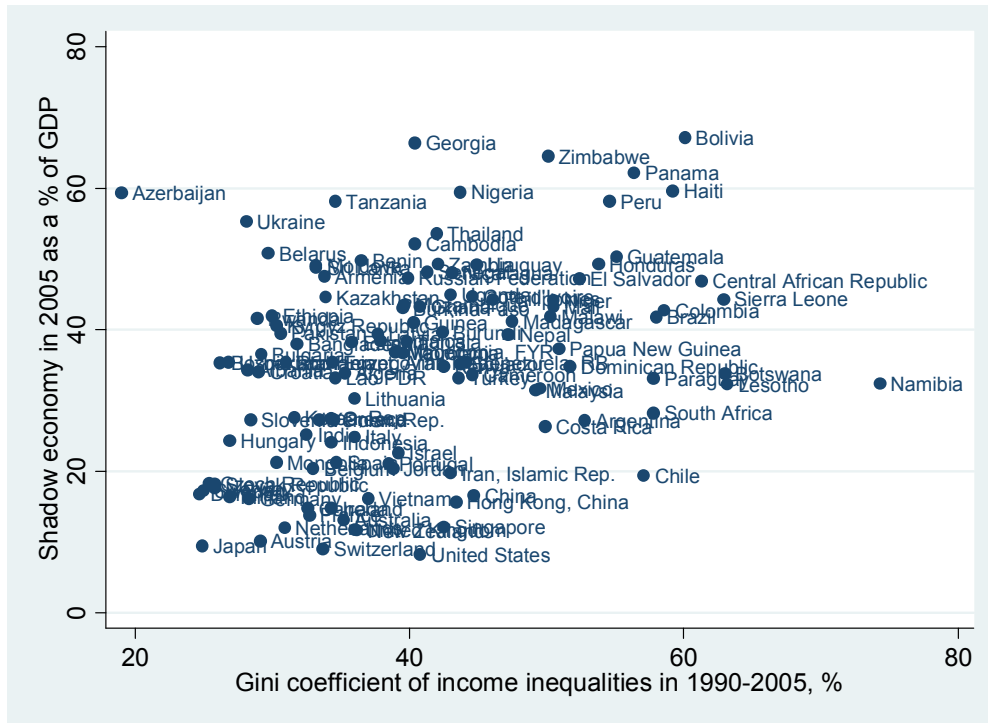
После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались в мальтузианском режиме роста. Но колониальная экспансия Запада разделила Юг на два типа стран (схема). В Африке южнее Сахары, в Латинской Америке, во многих странах бывшего СССР, произошло полное или почти полное разрушение традиционных институтов (общины); они были заменены, но только, частично, новыми институтами личной ответственности, импортированными с Запада. Напротив, Восточная Азия, Ближний и Средний Восток и в значительной степени Южная Азия смогли, вопреки колониализму, в большей степени сохранить традиционные коллективистские институты. Можно предположить, что страны и регионы, сохранившие традиционные институты, не испытали роста доходного неравенства и нормы накопления, но в то же время смогли сохранить институциональную преемственность, которая обеспечила высокое качество институтов. Другие страны мировой периферии, которые попытались воспроизвести западную модель выхода из мальтузианской ловушки и где развитие традиционных институтов было прервано, заплатили цену в виде ухудшения качества и эффективности этих институтов (схема).

Так что в развивающемся мире сегодня мы находим два типа стран – с относительно низким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (1-3 человека на 100 000 жителей – Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний и Средний Восток) и относительно высоким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (15-75 человек на 100 000 жителей в европейских республиках бывшего СССР и Казахстане, в Латинской Америке и Африке южнее Сахары) – рис. 12-13.

Схема. Три выхода из мальтузианского режима роста

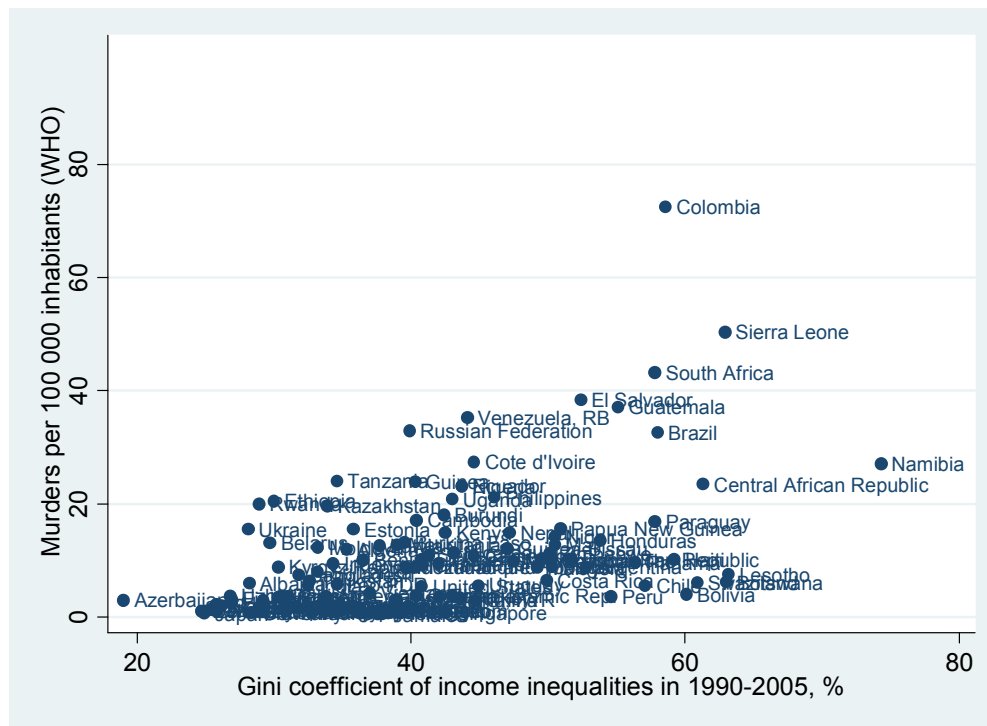

Рис. 12. Доля теневой экономики в ВВП и коэффициент Джини распределения доходов в 1990-2005 гг., %

Источник: Schneider, 2007; WDI.

Рис. 13. Уровень убийств и коэффициент Джини распределения доходов в 1990-2005 гг., %

Источник: WHO; WDI.

Юг и Запад в 2060 году

Есть предсказания, что из-за коррупции, плохих институтов и отсутствия структурных реформ темпы роста «стран с формирующейся рыночной экономикой» замедлятся в сравнении с «нетипично благоприятным» периодом 2000-12 гг. (Åslund, 2013). Но обычно эти предсказания основаны на предположениях о проведении или непроведении политики, которая, как считается, благоприятствует росту. В 1960 г. Пауль Розенштейн-Родан, один из авторов теории «большого скачка», выделил Индию, Бирму, Аргентину и Гонконг как страны, которые с большой вероятностью достигнут ежегодного прироста реального подушевого ВВП в 3% в следующие 5 лет. Первые три страны достигли только прироста в 1,5%, а Гонконг, наоборот, превзошел ожидания. В те же годы другие наблюдатели называли в числе стран с благоприятными перспективами роста Гану, Египет, Иорданию, Чили, но никто не упоминал о Ю. Корее и Тайване (Тоуе, 1987).

Сегодня традиционный взгляд на вещи состоит в том, что наилучшие условия для быстрого роста на Юге складываются в демократических странах, поощряющих индивидуальные свободы и предпринимательство, таких как Бразилия, Индия, Мексика, Турция, тогда как быстрорастущим в последние десятилетия авторитарным режимам, таким как Вьетнам, Иран, Китай, видимо, суждено в будущем испытать замедление роста, если не кризис. Однако представьте, что дискуссия о вероятности «экономических чудес» происходит в 1960 году: одни ставят на свободные демократические страны Латинской Америки и Индию, другие – на авторитарные (иногда даже коммунистические) страны Восточной Азии (Япония, Корея, КНР, Тайвань) с сильным госрегулированием и промышленной политикой...

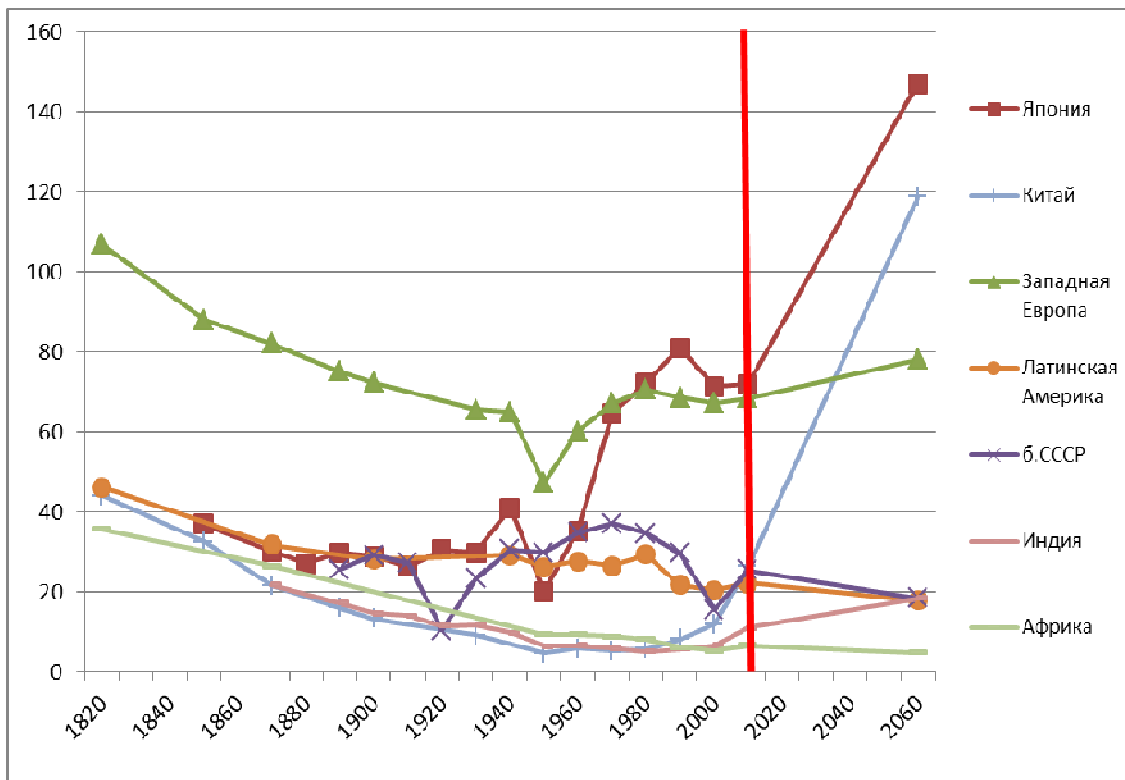
Если темпы роста стран и регионов последних 50 лет (1960-2010 гг.) сохранятся еще в течение полувека (2010-2060 гг.), мир будет сильно отличаться от сегодняшнего (рис. 14) – подушевой ВВП Китая и Японии будет выше американского, так что при населении в 5 раз больше их совокупный ВВП будет примерно в 6 раз больше американского. Если же Индия и другие бедные страны продолжают подтягиваться к США по уровню душевого дохода, то на США, Европу и Японию в 2060 г. придется менее 20% мирового экономического потенциала.

Возвышение Азии, особенно Китая, обычно обсуждается в терминах геополитики – новые сверхдержавы, многополярный мир, смена глобального лидерства – или как фактор увеличения мирового спроса на ресурсы и выбросов загрязняющих веществ. Но возможны и другие, менее очевидные, но не менее важные последствия.

Во-первых, возвышение Китая может стать поворотной точкой всего мирового развития, как для Юга и Запада, так как впервые в новой истории крупномасштабный экономический успех был достигнут на базе автохтонной, незападной модели, базирующейся на нелиберальных, если не сказать антилиберальных, принципах — на «азиатских ценностях», коллективистских по сути своей институтах. После краха СССР китайская модель для развивающихся стран стала вне всякого сомнения самой притягательной – от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признает, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономический успех, в частности путем проведения экспортно-ориентированной

промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Эта дирижистская модель рыночной экономики отнюдь не является плановым хозяйством советского образца, но и имеет мало общего с повсеместной рыночной либерализацией, предлагаемой сторонниками вашингтонского и даже пост-вашингтонского консенсуса.

Рис. 14. Подушевой ВВП по ППС в % к уровню США при предположении, что темпы роста в 1960-2010 гг. сохранятся в 2010-2060 гг.

Источник: Maddison, 2013.

Теперь, в 21 веке, успех Китая может сделать эту дирижистскую модель не просто привлекательной для стран Юга, но и вполне легитимной, так что не исключено, что мы станем свидетелями «триумфального шествия» новой парадигмы роста как в экономической теории, так и в экономической политике. Не все страны обладают необходимым компонентом китайской модели – сильным институциональным потенциалом, но некоторые обладают (Ближний и Средний Восток), а те, которые не обладают, получают новый стимул к снижению неравенства и укреплению институтов.

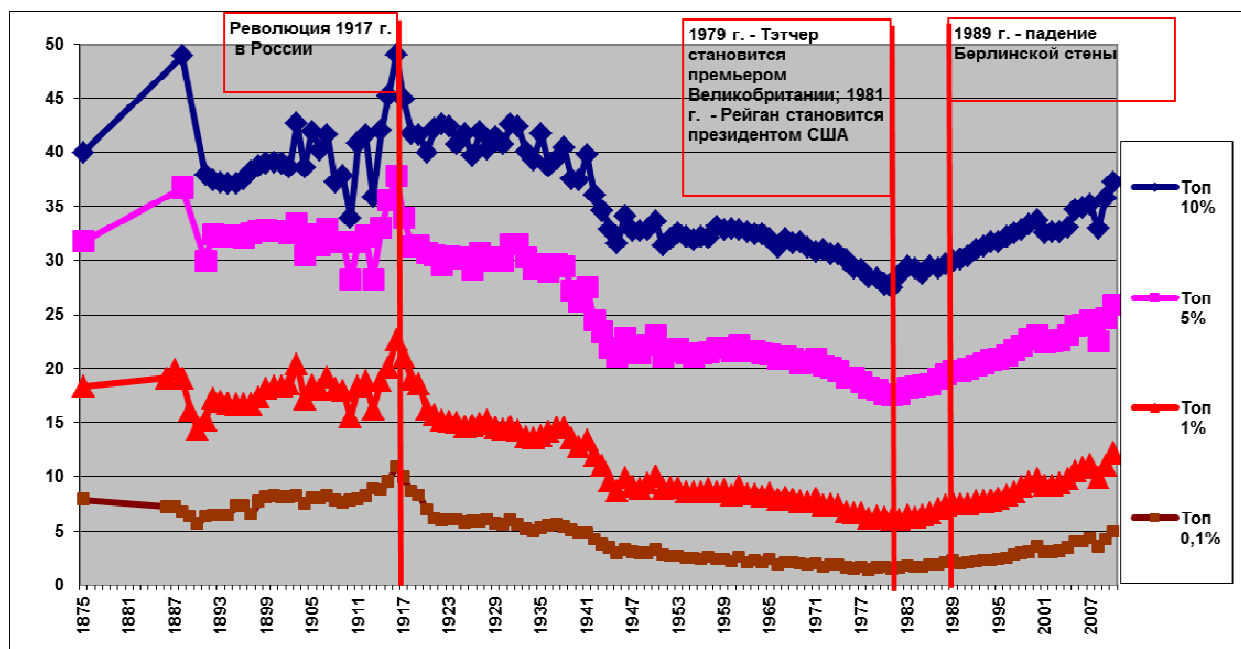
Возможно, что и тенденция последних трех десятилетий к росту неравенства внутри стран (рис. 15; см. подробнее Jomo, Popov, 2015) будет приостановлена из-за распространения китайской модели. До сих пор, несмотря на существенный рост неравенства в Китае после 1985 г. (коэффициент Джини достиг 47-49% в 2002-2013 гг.)⁶, уровень этого неравенства, видимо, относительно невысок, принимая во внимание огромный размер страны (Popov, 2014). В 20 веке рост доходного и имущественного неравенства был ограничен такими сдержками и противовесами, как пример социалистических стран и массовые социальные движения в капиталистических странах, заставлявшие западные правительства разворачивать программы благосостояния. В 21 веке распространение конкурентоспособных дирижистских моделей роста с низкими неравенством на глобальном Юге может послужить фактором, противодействующим тенденции к увеличению неравенства с начала 80-х годов, после утраты советской коллективистской моделью социального динамизма.

Во-вторых, возвышение Китая может привести к кардинальной реформе мирового экономического порядка и международных отношений. Торговый протекционизм, промышленная политика, занижение валютного курса через ускоренное накопление валютных резервов (тоже вариант промышленной политики), контроль над международным движением капитала (не только краткосрочного, но и долгосрочного, в том числе и прямых иностранных инвестиций) – все эти меры, до сих пор рассматривающиеся как «нетрадиционные», могут стать уважаемыми и легитимными инструментами экономической политики. За такой «реабилитацией» может последовать и пересмотр режима защиты прав на интеллектуальную собственность и передачи технологии, принятие новых правил международной миграции, торговли топливом и ресурсами и регулирования выбросов загрязняющих веществ (пересмотр киотского протокола), реформа международной валютно-финансовой системы (Montes, Popov, 2011).

⁶ Это данные первого обследования домохозяйств, которое основано на репрезентативной выборке как сельских, так и городских районов (Zhao Qian. NBS reveals Gini coefficient methods. - [Global Times](#), February 04, 2013). Ранее обследования сельских и городских местностей проводились отдельно, а общенациональный коэффициент Джини рассчитывался исследователями на основе тех или иных предположений и был, как правило, немногим более 40%.

По мере того как возрастает экономическая мощь стран Юга (рис. 14), логично ожидать, что они будут добиваться этих и других изменений в международных экономических отношениях (Arrighi, 2007). В результате мирохозяйственный порядок может стать гораздо более благоприятным для ускоренного роста развивающихся стран и их превращения в развитые.

Рис. 15. Доля в совокупных доходах наиболее состоятельных групп населения – топ 10%, 5%, 1% и 0,1% – невзвешенная средняя для 18 западных стран*/

*/Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Канада, Испания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, США, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, Япония.

Источник: Alvaredo, Facundo, Anthony B. Atkinson, Thomas Piketty and Emmanuel Saez, The World Top Incomes Database. <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>, April 25, 2012.

Новый мировой экономический порядок – требование развивающихся стран в 70-80-е годы прошлого века, после первого (1973 г.) и второго (1979 г.) нефтяных шоков, – возможно, снова ставится в повестку для отношений Запад-Юг по мере становления новых институтов развивающихся стран (БРИКС и Новый банк развития, Азиатский банк инфраструктурных

инвестиций). Демократизация международных экономических отношений практически неизбежно ведет к принятию правил игры, более благоприятствующих развивающимся странам, что вместе с распространением китайской экономической модели может в конечном счете сделать глобализацию выгодной не только для богатых, но и для бедных.

Кроме того, нормы международных неэкономических отношений также могут измениться. «Пекинский консенсус», может быть и не является пока строгим понятием (Ramo, 2004), но китайский подход к международным отношениям (невмешательство во внутренние дела других стран, неучастие в военных интервенциях, неприменение санкций и эмбарго) предоставляет развивающимся странам реальную альтернативу сегодняшнему мировому порядку. Будущие правила международных отношений могут основываться на двух новых принципах – (1) запрет одностороннего применения силы (без санкций ООН), (2) применение силы только при массовых нарушениях прав человека (массовые репрессии, голод, этнические и прочие конфликты и т.д.), но никак не против либеральных авторитарных режимов «для установления демократии».

Как и чисто экономические последствия возвышения Юга, эти изменения в международной политике также будут способствовать экономическому подъему развивающихся стран и выравниванию уровней развития между «богатыми» и «бедными». Если такая интерпретация верна, следующие экономические чудеса, возможно, произойдут в Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Но в конце концов и Латинская Америка, и Африка, и Россия догонят Запад по уровню развития.

References

Попов, В. В. (2011). [Стратегии экономического развития. М., Изд-во ГУ-ВШЭ, 2011 г.](#)

Попов, В. В. (2012). [Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос. - "Журнал Новой экономической ассоциации", №3 \(15\), 2012.](#)

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James A. Robinson (2001). "The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation," *American Economic Review*, 91 (5), 1369-1401.

Arrighi, G. (2007). *Adam Smith in Beijing: lineages of the twenty-first century*. London: Verso. 2007.

Åslund, A. (2013). *Why Growth in Emerging Economies Is Likely to Fall*. Working Paper. Peterson Institute for International Economics, November 2013.

Channing Arndt, Sam Jones, Finn Tarp (2010). [Aid, Growth, and Development: Have We Come Full Circle?](#), *Journal of Globalization and Development*, Berkeley Electronic Press, vol. 1(2).

Diamond, Jared (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies*. New York, W.W. Norton, 1997.

Easterly, W., Fisher, S. 1995. The Soviet Economic Decline. – *The World Bank Economic Review*, Vol. 9, No.3, pp. 341-71.

Friedman, E., S. Johnson, D. Kaufmann, and P. Zoido-Lobaton (2000). Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries". . *Journal of Public Economics*, June 2000.

Gray, Kevin (2013). *Aid and development in Taiwan, South Korea, and South Vietnam*. WIDER Working Paper No. 2013/085. September 2013

Jomo, K.S., V. Popov (2015). *Income Inequalities in Perspective*. ESS – Document No. 46. Initiative for Policy Dialogue (IPD), Columbia University, International Labour Office, Geneva, 2015.

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Haven and London: Yale University Press, 1966.

Landes, David (1998). *Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor?* New York, W.W. Norton, 1998.

Maddison, A. (2010). The Maddison-Project, <http://www.ggd.net/maddison/oriindex.htm>, 2010 version.

Maddison, A. (2013). The Maddison-Project, <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/home.htm>, 2013 version.

Milanovic, Branko, 2009. "[Global inequality recalculated: The effect of new 2005 PPP estimates on global inequality](#)," [MPRA Paper](#) 16538, University Library of Munich, Germany.

Milanovic, Branko, Peter H. Lindert, Jeffrey G. Williamson (2008). *Pre-Industrial Inequality: An Early Conjectural Map*. Mimeo, August 23, 2007 (http://www.economics.harvard.edu/faculty/williamson/files/Pre-industrial_inequality.pdf)

Mokyr, Joel (2002). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

[Montes, M., Popov, V. \(2011\). *Bridging the Gap: A New World Economic Order for Development*. - In: *Aftermath. New Global Economic Order*. Ed. by C. Calhoun and G. Derlyugian. NYU Press, 2011.](#)

Morris, Ian (2013). *The Measure of Civilization. How Social Development decides the fate of Nations*. Princeton University Press. Princeton and Oxford, 2013.

O'Campo, Jose Antonio, Jomo K.S. and Rob Vos (2007). Explaining Growth Divergences. In: Growth Divergences. Explaining Differences in economic Performance. Ed. by Jose Antonio O'Campo,. Orient Longman, Hyderabad, 2007.

Polterovich, V., Popov, V. (2005). [Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES, 2005 - http://www.nes.ru/english/research/pdf/2005/PopovPolterovich.pdf](http://www.nes.ru/english/research/pdf/2005/PopovPolterovich.pdf)

Polterovich, V., Popov, V. (2006). [Stages of Development, Economic Policies and New World Economic Order. Paper presented at the Seventh Annual Global Development Conference in St. Petersburg, Russia. January 2006.](http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/NewWorldEconomicOrder.pdf)

(<http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/NewWorldEconomicOrder.pdf>).

Pomeranz, Kenneth (2000). The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Popov, V. (2007). [Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s.](#) In: Transition and Beyond. Edited by: Saul Estrin, Grzegorz W. Kolodko and Milica Uvalic. *Palgrave Macmillan*, 2007.

Popov, V. (2008). [Lessons from the Transition Economies. Putting the Success Stories of the Postcommunist World into a Broader Perspective.](#) - *UNU/WIDER Research Paper No. 2009/15.*

Popov, V. (2011a). - [Development Theories and Development Experience.](#) - *CEFIR and NES working paper #153. December 2010.* Also published in [História e Economia - revista interdisciplinar, Brazilian Business School.](#) - v. 8, n. 1, (2011).

Popov, V. (2011b). [Developing New Measurements of State Institutional Capacity.](#) *PONARS Eurasia Policy Memo No. 158, May 2011.* *MPRA Paper 32389, August 2011.*

Popov, V. (2014). Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West. Oxford University Press, April 2014.

Ramo, Joshua (2004). *The Beijing Consensus*. The Foreign Policy Centre, May 2004.

Rodrik, Dani (2004). Getting Institutions Right. *CESifo. Journal for Institutional Comparisons*. Vol. 2, No. 4, Summer 2004.

Rodrik, Dani, R. Hausmann, A. Velasco (2005). Growth Diagnostics. 2005. <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik/barcelonafinalmarch2005.pdf>

Rodrik, Dani (2006) WHAT'S SO SPECIAL ABOUT CHINA'S EXPORTS? Harvard University, January 2006. <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/Chinaexports.pdf>

Rodrik, Dani (2008) [The Real Exchange Rate and Economic Growth](#) revised, October 2008. Undervaluation is good for growth, but why? <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/RER%20and%20growth.pdf>

Rodrik, Dani, Arvind Subramanian and Francesco Trebbi (2002). [Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic development](#). October 2002 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule.%205.0.pdf>).

Rosenstein-Rodan, P.N. (1943). The Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe. *The Economic Journal*, Vol. 53, No. 210/211. (Jun. - Sep., 1943), pp. 202-211.

Schneider, Friedrich (2007). Shadow Economies and Corruption All Over the World: New Estimates for 145 Countries. – *Economics. Open Access, Open Assessment E-Journal*, No. 2007-9 July 24, 2007.

[Smith, Adam](#) (1776). [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations](#) **1** (1 ed.). London: W. Strahan.

Tetlock, Philip E., Richard Ned Lebow, Geoffrey Parker (2009). Eds. *Unmaking of the West. "What if?" Scenarios that Rewrite the World History*. The University of Michigan Press, Ann Arbor, 2009.

Toye, John (1987). *Development Theory and the Experience of Development: Issues for the Future*. In L Emmerij (editor), *Development Policies and the Crisis of the 1980s*, Paris, OECD, 1987, 18-41.

United Nations (2003). *Monterey Consensus on Financing for Development*. UN, 2003.

Wallerstein, I.M. (1979). *The Capitalist World-Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

WDI database (2010). World Bank, 2010.

WDR (1996). *World Development Report 1996: From Plan to Market*.

WDR (1997). *World Development Report 1997: The State in a Changing World*.

Wong, Roy Bin (1997). *China Transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

World Bank (1993). *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy*. A World Bank Policy Research Report. OUP, 1993.

WESS (2010). *World Economic and Social Survey 2010. Retooling Global Development*. UN, 2010.

WESS (2014). *World Economic and Social Survey 2014: Reducing Inequality for Sustainable Development*. United Nations Economic and Social Council May 2014.
http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2014wess_overview_en.pdf.

WESS (2015). World Economic and Social Survey 2015. MDG Lessons for Post-2015. UN, 2015.